

**Федеральное государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Московский Государственный Университет
имени М.В. Ломоносова»
Исторический факультет**

На правах рукописи

Суслов Александр Валерьевич

**РОЛЬ ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛЬСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ (1880-1914 гг.)**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки
Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (Новое и Новейшее время)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2013

Диссертация выполнена на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Борисёнок Юрий Аркадьевич
кандидат исторических наук, доцент
Исторического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова

Официальные оппоненты:

Фалькович Светлана Михайловна
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела
истории славянских народов
Центральной Европы в Новое время
(Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
«Институт славяноведения
Российской академии наук»)

Васильев Алексей Григорьевич
кандидат исторических наук,
заместитель директора по научной
работе, руководитель направления
гуманитарных исследований
(Федеральное государственное
бюджетное научно-исследовательское
учреждение «Российский институт
культурологии»)

Ведущая организация:

Федеральное государственное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Самарский государственный
университет»

Защита состоится « » _____ 2013 года в _____ часов на заседании
Диссертационного Совета Д.501.002.12 по всеобщей истории при Московском
государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Адрес: 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Исторический
факультет МГУ, ауд. _____ .

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ
им. А.М. Горького (г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27)

Автореферат разослан « » _____ 2013 г.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета
кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Генрик Сенкевич – автор знаменитых исторических романов «Крестоносцы» и «Quo vadis?», лауреат Нобелевской премии в области литературы 1905 г. – до сих пор остается одним из самых известных и цитируемых польских писателей. Будучи признанным классиком, он, однако, вызывает в Польше далеко не всегда позитивные отклики. С конца XIX в. вплоть до сегодняшнего дня среди известных представителей польской общественно-политической мысли продолжаются дискуссии о его сочинениях – прежде всего об исторических романах и их исторической концепции. Характерная особенность этих дискуссий заключается в том, что во многих случаях они вписывались в дискурсивные практики, создающие образы польской истории, нации и «идеального отечества».

Служа материалом для подобных практик, «символический капитал» текстов Сенкевича проникал в оборот польской культуры и, таким образом, оказывал влияние на массовые представления о Польше и ее истории. В XX в. интерпретации наследия писателя, выработанные элитой, распространялись на рядовых обывателей через официальные институты (прежде всего школу), прессу, а затем телевизионные экраны и мониторы компьютеров. С одной стороны, массовая культура впитывала в себя традицию глорификации творчества Сенкевича – а вместе с ней и выдержанного в патриотическом духе нарратива польской истории. С другой стороны, весьма долговечной оказалась и негативная традиция толкования романов, вышедших из-под пера писателя. Для представителей данной традиции автор «Крестоносцев» был важной частью официального канона, своего рода «Другим» – знаком, который удобно использовать для создания оппозиционного «Я». Можно даже предположить, что писатель выполнял функцию одного из конституирующих элементов разных форм польского национального самосознания, конфликтующих между собой.

Сказанное подтверждается многочисленными примерами, в том числе из новейшей истории Польши. На современном этапе отзывчивость к авторитету Сенкевича сохраняют слушатели «национально-католического» Радио «Мария», о чем не забывают политики и публицисты правого толка, делающие ставку на эту аудиторию. Например, в 2007 г. разгорелся скандал вокруг заявлений министра образования Романа Гертыха, предложившего ввести в обязательный список школьного чтения романы «В пустыне и пуще», «Потоп», «Крестonosцы» и «Quo vadis?», вычеркнув из него произведения Витольда Гомбровича и ряда известных писателей XX в. Необходимость такого решения чиновник объяснил тем, что Сенкевич «создал современный польский патриотизм. Его книги являются настолько существенным элементом культуры, что даже употребление польского языка без знания этих книг было бы невозможным»¹.

С другой стороны, к автору «Огнем и мечом» обращаются носители иного типа ценностей – подчеркнуто светских и артикулированных в ключе «современности» и «будущего», для которых тексты Сенкевича – это, прежде всего, архаический «миф». Так, например, известный театральный режиссер Ян Клята, симпатизирующий кругам публицистов левого толка из издания «Критика Политична», деконструирует «фундамент польскости» в своем спектакле «Трилогия», премьера которого состоялась в 2009 г. Как написано в одной из рецензий на спектакль, «Клята выстраивает пронзительный, горький образ Польши – страны, пребывающей в постоянной мобилизации, с мифом, который переносится из поколения в поколение, – о героической смерти за веру (вернее против других вер), и за отчизну»².

Такого рода примеры подтверждают, что тема наследия Сенкевича в контексте патриотического воспитания и конструирования польского национального самосознания была и остается актуальной. Актуально и обращение к этой теме в русле исторической науки.

¹ Giertych: Sienkiewicz i papież musi pozostać. URL: <http://www.wprost.pl/ar/107606/Giertych-Sienkiewicz-i-papiez-musi-pozostac> (дата обращения: 10.09.2012).

² Larum grają. Sporny mit sienkiewiczowski. URL: <http://www.polityka.pl/kultura/teatr/284036,1,recenzja-spektaklu-trylogia-rez-jan-klata.read> (дата обращения: 10.09.2012).

Предмет и задачи исследования. Вопрос «быть или не быть поляком по Сенкевичу?» разделил носителей разных форм польского национального самосознания еще в середине 80-х гг. XIX в. и выразился в ряде громких дискуссий о нации, ее истории и будущих перспективах.

Предметом исследования является идейное наследие основных течений общественно-политической мысли в Польше конца XIX – начала XX в., представители которых так или иначе влияли на формирование польского национального самосознания и прибегали к символическому капиталу художественной литературы (галицийские консерваторы, варшавские позитивисты, национально-демократическое движение и др.).

Цель диссертации – изучить совокупность идеологических практик, в которые Сенкевич был прямо или косвенно вовлечен, описать их специфику и проанализировать составляющие части – применительно к социально-политическим процессам, имевшим место на польских землях в конце XIX – начале XX в. Исходя из поставленной цели, **задачи** исследования формулируются следующим образом.

1. Выявить стороны, принимавшие активное участие в обсуждении творчества Сенкевича в указанный период.
2. Установить побудительные мотивы их включения в дискуссию.
3. Раскрыть идеологическую подоплеку споров: попытки «присвоения» Сенкевича, включения его текстов в те или иные национальные нарративы, их использование в конкуренции между печатными изданиями и т.д.
4. Изучить аргументацию отдельных публицистов, писавших о Сенкевиче в контексте размышлений о Польше и поляках.
5. Установить позицию самого Сенкевича по отношению к дискуссиям, связанным с его именем: какое влияние он оказывал на судьбу своих текстов, участвовал ли сам в полемике и т.д.

- б. Определить, когда, как и почему споры о Сенкевиче перешли в русло проектирования различных форм национального самосознания.

Ограничивая предмет исследования дискуссиями, протекавшими в кругах образованной элиты польских земель, заметим, что Сенкевич еще при жизни стал одним из самых популярных писателей в «народной» среде – по крайней мере, в той ее части, которая успела приобрести способность и привычку к чтению. Можно ли, однако, оценить степень влияния писателя на широкие слои населения, которые тогда лишь начинали усваивать представления о своей национальной принадлежности, а чаще описывали себя в категориях сословной, конфессиональной и локальной идентичности? Приходится констатировать, что вполне репрезентативных источников для ответа на этот вопрос не существует (а таковыми можно считать лишь данные массового анкетирования).

Применительно к концу XIX – началу XX в. более значим другой вопрос: какие интерпретации текстов Сенкевича были выработаны в образованной среде, насколько он был востребован лидерами общественно-политической мысли польских земель, которые, собственно, закладывали идеологические основы будущих национальных институтов и, наконец, отвечали за адаптацию художественной литературы к задачам «народного просвещения». От этих вопросов напрямую зависела карьера Сенкевича в амплу патриотического писателя, духовного лидера польского народа – а значит, степень и срок его вовлеченности в процессы формирования польского национального самосознания.

Хронологические и пространственные рамки. В представленной диссертации затронут период с начала 80-х гг. XIX в. до 1914 г. Такой выбор продиктован задачами реконструкции первого этапа включения текстов Сенкевича в сферу обсуждения национальной проблематики в Польше.

В конце 1881 г. будущий автор «Огнем и мечом» принял приглашение на должность главного редактора консервативной газеты «Слово». Примерно

в это время произошло усиление полемического конфликта между двумя главными на тот момент лагерями польской общественной мысли – консерваторами и позитивистами. В этом контексте первые исторические романы Сенкевича получили статус актуальных идеологических высказываний, облаченных в художественную форму, – и в таком качестве продолжали восприниматься участниками дискуссий о национальном «характере» поляков.

До начала Первой мировой войны вышли в свет все крупные произведения автора, активно обсуждавшиеся в прессе: «Огнем и мечом» (1883-1884), «Потоп» (1884-1886), «Пан Володыёвский» (1887-1888), «Без догмата» (1889-1890), «Семья Поланецких» (1893-1894), «Quo vadis?» («Камо грядеши?», 1894-1896), «Крестоносцы» (1897-1900), «На поле славы» (1905-1906), «Омут» (1909-1910), «В пустыне и пуще» (1910-1911), «Легионы» (1913-1914).

В 1903 г. вокруг Сенкевича разгорелась новая полемическая кампания, в которой столкнулись издания «Глос» (трибуна радикальных модернистов левого толка) и «Курьер Варшавски» (трибуна консервативных и националистических публицистов). Безусловно, важной вехой в этом противостоянии стала Революция 1905-1907 гг. в Российской империи, по отношению к которой Сенкевич занял четкую осуждающую позицию.

На статус писателя в идеологическом контексте оказали влияние и такие события в его творческой и общественной биографии, как получение поместья Обленгурек в дар от соотечественников на 25-летний юбилей творческой деятельности (1900), Ордена Почетного легиона Французской республики (1903) и Нобелевской премии в области литературы (1905).

С началом Первой мировой войны автор «Трилогии» отложил перо и полностью переключился на общественную деятельность – возглавил Комитет помощи жертвам войны в Польше. С этого момента начинается этап переосмысления позиции Сенкевича в польской культуре, предваряющий формирование его официального патриотического культа. Указанный период

(1914-1918) следует рассматривать отдельно, поэтому в рамках данного исследования он не рассматривается.

Территория, охваченная в представленной работе, зависит от локализации тех лагерей польской общественно-политической мысли, которые активно ссылались на Сенкевича в процессе полемических соревнований. Таким образом, в сочинении речь идет преимущественно о крупных городах – культурных центрах, где сосредотачивалась образованная элита и печаталась пресса. В Кракове и Львове публиковались консервативные публицисты – «станчики» и «подоляки», деятельность которых была связана с местными старинными университетами, Академией знаний, изданиями «Час» и «Газета Львовска». В Варшаве располагались лагеря их союзников (местных консерваторов и «угодовцев») и противников (позитивистов, выпускников Главной школы). Важным центром польской умеренно-либеральной интеллигенции был Петербург, где издавался еженедельник «Край». Сенкевича также активно обсуждали в среде политической эмиграции, однако ее представители печатали свои отзывы в варшавских и краковских изданиях. Радикалы-модернисты распределились между Царством Польским и Галицией. Национал-демократы присутствовали во всех частях разделенной Польши, однако их взаимодействие с Сенкевичем, в основном, ограничивалось пределами России. В наименьшей степени полемика вокруг автора «Трилогии» затронула Познанскую провинцию и другие земли Германской империи с польскоязычным населением.

Методологические основания исследования связаны со спецификой его задач и включают в себя как традиционные методы исторического исследования (историко-типологический, историко-сравнительный), так и подходы, заимствованные из разных областей гуманитарного знания.

Одна из презумпций сочинения состоит в том, что социальная реальность имеет конвенциональную природу и обусловлена процессами

интерсубъективной коммуникации³. В соответствии с этим тезисом, нация рассматривается как результат консенсуса, объективированный через язык и поддерживаемый системой социальных и политических акторов. Таким образом, пользуясь термином «национальное самосознание», автор работы не постулирует какой-либо целостной, самостоятельной и онтологически предначертанной человеку сущности, называемой «нация», которая осознает или проявляет себя через социум. Данный термин означает провозглашение коллективного субъекта (своего рода национального «Я»), с которым готова соотносить себя значительная часть общества, а также его постоянная спецификация. В этом смысле может быть использован и близкий, хотя имеющий иную философскую историю, термин «идентичность».

Важной составляющей методологии исследования является тезис о том, что любой тип идентичности – индивидуальной или коллективной – фундирован дихотомией «Я/Другой»⁴. Это означает, что процесс зарождения «Я» (субъекта) почти неизбежно связан с отграничением от оппозиционной пары – «Другого»: конструируя образ своей противоположности, субъект одновременно ищет границы собственного содержания – маркеры, которые классик антропологии Ф. Барт называет «диакритиками»⁵. Такой механизм релевантен и в случае с формированием национального самосознания.

При обработке и оценке материала, лежащего в основе данного сочинения, используется принцип, во многом схожий с культурно-семиотическим подходом к истории, предполагающим, как пишет Б.А. Успенский, «апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым признается то, что является значимым с их точки зрения»⁶.

³ Такой подход предложен пионерами конструктивистского направления в социологии П. Бергером и Т. Лукманом. См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. 1995.

⁴ Разнообразие концепций, связанных с ролью дихотомии «Я/Другой» в формировании идентичностей подробно анализирует норвежский историк международных отношений И. Нойманн. См.: Нойманн И. Использование «Другого». М. 2004.

⁵ Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М. 2006.

⁶ Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М. 1996. С. 11-12.

Поскольку романы Сенкевича в представленной диссертации осмыслены как ресурс *идеологических* практик, создающих образы национального, стоит указать на попытки К. Гирца «очистить» понятие «идеология» от упрощающих его негативных коннотаций. С точки зрения ученого, идеология в культурном контексте выполняет функцию организующего начала, «дорожной карты», системы регулирующих шаблонов. «Задача идеологии – сделать возможной автономную политику, создав авторитетные концепции, которые бы придали ей смысл, и убедительные образы, которые бы сделали ее доступной для восприятия»⁷.

А.Л. Зорин и В.Ю. Проскурина в своих книгах развивают тезис о неотрывности идеологии от возможностей, открытых перед ней ключом художественного слова («...Искусство, и в первую очередь литература, приобретает возможность служить своего рода универсальным депозитарием идеологических смыслов и мерилom их практической реализованности»⁸); при этом литература в связке с идеологией – не банальное выстраивание взгляда на окружающие реалии, но живой материал, помогающий эти реалии создавать⁹.

Заострить проблематику диссертации помогают исследования, демонстрирующие изменения социального статуса литературы в условиях экономической и технологической модернизации, зарождения массовой культуры и массовых идеологий¹⁰.

Обзор историографии. Спорный характер творчества Сенкевича объясняет повышенный интерес к нему со стороны гуманитарных наук – филологии, культурологии и истории – вследствие которого по биографии и письменному наследию автора был накоплен внушительный объем информации и написано множество исследований (десятки книг и сотни

⁷ Там же. С. 249.

⁸ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М. 2001. С. 28.

⁹ Проскурина В.Ю. Мифы империи: Литература и власть в Эпоху Екатерины II. М. 2006. С. 8.

¹⁰ Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. 2009; Literature and Nationalism. Liverpool. 1991; Holmgren B. Rewriting capitalism: literature and the market in late Tsarist Russia and the Kingdom of Poland. Pittsburgh. 1998; Corse S.M. Nationalism and Literature: The Politics of Culture in Canada and the United States. Cambridge. 2001.

статей¹¹). Однако, несмотря на обширность, данная библиография далеко не исчерпала ресурса своего предмета, а по некоторым важным вопросам лишь выработала удобные клише, создающие видимость их решенности. В научном дискурсе Сенкевич с давних пор функционирует как фигура, значительно повлиявшая на становление современной польской нации. Тем не менее до сих пор предпринималось сравнительно мало попыток конкретизировать это влияние и раскрыть его механизмы.

На сегодняшний день научную литературу, посвященную Сенкевичу, можно подразделить на следующие группы: 1) биографии; 2) монографические исследования; 3) статьи в периодических научных изданиях; 4) сборники статей и докладов, составленные и изданные после специализированных конференций. Последний из перечисленных форматов, с нашей точки зрения, представляется наиболее продуктивным: ученые различного профиля коллективными усилиями расширяют горизонты восприятия текстов Сенкевича, нащупывают новые проблематические сюжеты и подходы к их исследованию.

В знакомстве с вехами общественно-политической биографии Сенкевича помогают работы соответствующего жанра – их в Польше было написано несколько. К числу наиболее авторитетных относятся жизнеописания, составленные Ю. Кшижановским – одним из самых выдающихся специалистов по творчеству и общественно-политической деятельности автора «*Quo vadis?*». Фундаментальным для любого исследователя является составленный этим ученым «Календарь жизни и творчества Генрика Сенкевича» (1953)¹², входящий в полное собрание сочинений автора как 57-й том. В хронологическом порядке ведется изложение мельчайших подробностей жизни писателя (с приведением многочисленных цитат из источников, некоторые из которых были утрачены во время Второй мировой войны).

¹¹ Bujnicki T. *Sienkiewicz wczoraj i dziś // Spotkanie Sienkiewiczowskie*. Opole. 1997. S. 9.

¹² Krzyżanowski J. *Kalendarz życia i twórczości Henryka Sienkiewicza*.

«Календарь» Кшижановского был расширен и дополнен Ю. Щублевским в его книге «Житие Сенкевича»¹³. В работе приводятся объемные выдержки из сочинений и писем автора «Трилогии», отзывы о нем современников, цитаты критиков. Научная ценность данного труда серьезно снижается отсутствием ссылок на использованные источники.

Значительная часть исследований, так или иначе затрагивающих творчество автора «Огнем и мечом», приходится на времена ПНР, идеологи которой некоторое время после Второй мировой войны (до 1955 года) боролись с Сенкевичем, а затем признали его и вернули на пьедестал (в редуцированном виде, с оговоркой на излишний «национализм» писателя). Хотя проблематика данного исследования в прямом виде тогда не поднималась, некоторые аспекты, существенные с позиции изучения национального самосознания, затрагивались. При этом обзор новейшей польской историографии наглядно демонстрирует, что интерес к романисту в научной среде не только не угас, но даже увеличился. С начала 1990-х годов регулярно проводятся научные встречи и форумы сенкевичологов, по результатам которых публикуются сборники статей и докладов. Большинство из них перечислено здесь: «Сенкевич через годы. 1846 – 1916 – 1986» (Ченстохова, 1990)¹⁴, «Генрик Сенкевич: творчество и восприятие» (Люблин, 1991)¹⁵, «Сенкевич. Попытки сближения и обобщений» (Слупск, 1997)¹⁶, «Сенкевичевская встреча» (Ополе, 1997)¹⁷, «Генрик Сенкевич. Биография – творчество – восприятие» (Люблин, 1998)¹⁸, «Сенкевич и фильм» (Кельце, 1998), «Сенкевич и эпохи. Черты родства» (Варшава, 1999)¹⁹, «Генрик Сенкевич. Художник и гражданин» (Ополе, 2002)²⁰, «Из Рима в Рим» (Варшава, 2002)²¹, «Сенкевич. Память и современность» (Люблин, 2003)²²,

¹³ Szczublewski J. Żywot Sienkiewicza. Warszawa. 1989.

¹⁴ Sienkiewicz po latach. 1846. 1916. 1986. Częstochowa. 1990.

¹⁵ Henryk Sienkiewicz. Twórczość i recepcja. Lublin 1991.

¹⁶ Sienkiewicz. Próby zbliżeń i uogólnień. Słupsk. 1997.

¹⁷ Spotkanie Sienkiewiczowskie. Opole. 1997.

¹⁸ Henryk Sienkiewicz. Biografia - twórczość - recepcja. Lublin. 1998.

¹⁹ Sienkiewicz i epoki. Powinowactwa. Warszawa. 1999.

²⁰ Henryk Sienkiewicz. Twórca i obywatel. Opole. 2002.

²¹ Z Rzymu do Rzymu. Warszawa. 2002.

«Сенкевич. Поляк и европеец» (Сосновец, 2004)²³, «Столетие присуждения Генрику Сенкевичу нобелевской премии в области литературы» (Познань, 2005)²⁴, «Генрик Сенкевич в польской культуре» (Люблин, 2007)²⁵ и, наконец, уже упомянутый том «Зачем Сенкевич? Сенкевич и национальное самосознание поляков: с кем и против кого?» (Варшава, 2007)²⁶.

Тема идеологизации творчества автора «Трилогии» в дальнейшем подчеркивалась и другими исследователями. Интересная работа, состоящая из нескольких больших статей-глав, принадлежит З. Швейковскому (1975)²⁷. Автор подробно изучил взгляды романиста на смысл творческой деятельности, который, по мнению последнего, должен заключаться в служении интересам народа. Один из выводов ученого относительно главного цикла исторических романов Сенкевича звучит так: «Жизнеспособность и оригинальность Трилогии объясняется, вероятно, тем, что она всегда восхищала или тревожила, во всяком случае, приводила в волнение каждое поколение критиков, литературоведов, историков и даже социологов»²⁸. По-видимому, эта особенность свидетельствует не просто о «жизнеспособности и оригинальности» «Трилогии», но и о ее глубоком проникновении в национальное самосознание образованных поляков в XX в.

Современные ученые, стоящие на новых концептуальных платформах, все чаще используют положение об идеологизированности Сенкевича как отправной пункт своих исследований. Это позволяет взглянуть на полемику вокруг творчества писателя не как на традицию, которую следует продолжать, но как на феномен культурной и общественной жизни. Наиболее четко эта позиция оформилась в работах Т. Буйницкого, одного из самых авторитетных современных специалистов по Сенкевичу, который находит истоки указанной «тлеющей» полемики в том, что, во-первых, «fikции

²² Sienkiewicz. Pamięć i współczesność. Lublin. 2003.

²³ Henryk Sienkiewicz. Polak i Europejczyk. Sosnowiec. 2004.

²⁴ 100-lecie przyznania Henrykowi Sienkiewiczowi literackiej Nagrody Nobla. Poznań. 2005.

²⁵ Henryk Sienkiewicz w kulturze polskiej. Lublin. 2007.

²⁶ Po co Sienkiewicz? Sienkiewicz a tożsamość narodowa: z kim i przeciw komu? Warszawa. 2007.

²⁷ Szwejkowski Z. Trylogia Sienkiewicza i inne szkice o twórczości pisarza. Poznań. 1975.

²⁸ Ibid. S. 105.

Сенкевича появлялись на почве активного подключения фантазии читателя», а во-вторых, «Трилогию» и другие романы писателя представители разных идеологий могли использовать для укрепления собственных позиций²⁹.

О факторах, способствовавших популярности Сенкевича как в Польше, так и в мире, написано огромное количество работ. Повышенное внимание уделяется различным адаптациям произведений писателя, которые способствовали их усвоению не только в текстовой, но и в визуально-перформативной форме (следует помнить, что такая особенность прямо использовалась некоторыми польскими идеологами в целях пропаганды национальных идей). В различных сборниках регулярно появляются статьи с новыми данными или размышлениями на тему этого явления³⁰. Такие исследования объединяет важный вывод о «предрасположенности» произведений Сенкевича к переложениям и визуализации, а также об их появлении в период становления массовой культуры.

Большое значение имеют работы, в которых Сенкевич предстает в контексте своего времени с присущими ему чертами. Анализируются место религии в творчестве писателя³¹, его связи с современниками³², общественная и творческая позиция³³, особенности идентичности³⁴.

²⁹ Bujnicki T. Miejsce Sienkiewicza w polskiej literaturze i świadomości narodowej // *Po co Sienkiewicz? Sienkiewicz a tożsamość narodowa: z kim i przeciw komu?* Warszawa. 2007; Bujnicki T. *Sienkiewicz wczoraj i dziś*;

³⁰ См.: Lewicki B. W. *Sienkiewicz na ekranach kinoteatrów // Henryk Sienkiewicz. Twórczość i recepcja światowa.* Kraków. 1969; Skeba A. *Pan Wołodyjowski. Medialne aspekty załotów // Sienkiewicz. Pamięć i współczesność.* Lublin. 2003; Machwicz Z. *Powieści Henryka Sienkiewicza jako modele kina historycznego // Sienkiewicz i film.* Kielce. 1998; Ślodoski J. *Filmowe adaptacje Quo vadis Henryka Sienkiewicza // Sienkiewicz i film.* Kielce. 1998; Boheńska J. *Ekranizacje utworów Henryka Sienkiewicza do roku 1939 // Sienkiewicz i film.* Kielce. 1998; Wiśniewiecki G. «Quo vadis» w twórczości muzycznej // *Z rzymu do Rzymu.* Warszawa. 2002.

³¹ См., напр.: J.M. Bocheński O.P. *Religia w Trylogii.* Kraków. 1993; Polanowski E. *O związkach Henryka Sienkiewicza z Częstochową // Sienkiewicz po latach. 1846. 1916. 1986.* Częstochowa. 1990; Ozlewski S. *Sienkiewiczowskie kreacje bohatera biblijnego; Beata Ossulewska. Sienkiewicz a idea miłoserdzia. Prolegomena // Henryk Sienkiewicz w kulturze polskiej.* Lublin. 2007.

³² См., напр.: Kaserczak K. *Arystokracji spotkania z Sienkiewiczem // Henryk Sienkiewicz w kulturze polskiej.* Lublin. 2007; Bokszczyński M. *Listy Sienkiewicza do Jadwigi Janczewskiej jako źródło o życiu i twórczości pisarza // Henryk Sienkiewicz. Twórczość i recepcja.* Lublin 1991. S. 369-379.

³³ См., напр.: Komarzyński M., Skrzypietz A. *Marysieńka Sobieska w twórczości Kraszewskiego i Sienkiewicza // Henryk Sienkiewicz. Biografia - twórczość - recepcja.* Lublin. 1998. S. 250-259; Kosowska E. *Eurosarmata. Henryk Sienkiewicz wobec różnych nurtów tradycji kulturowej // Henryk Sienkiewicz. Polak i Europejczyk. Sosnowiec.* 2004. S. 25-34; Ludorowski L. *Obywatelska służba Sienkiewicza // Henryk Sienkiewicz. Biografia - twórczość - recepcja.* Lublin. 1998; Michalski H. *O pewnym rysie osobowości twórczej Sienkiewicza // Sienkiewicz i epoki. Powinowactwa.* Warszawa. 1999. S. 152-161; Mokranowska Z. *Henryk Sienkiewicz wobec tzw. kwestii polskiej w Europie // Henryk Sienkiewicz. Polak i Europejczyk. Sosnowiec.* 2004. S. 65-76; Obrusznik-Partyka M. *Henryk Sienkiewicz na łamach «Biesiady Literackiej» // Spotkanie Sienkiewiczowskie.* Opole. 1997. S. 275-294.

Некоторые темы, связанные с Сенкевичем, не могли обойтись и без внимания историков, занимающихся изучением публицистики и общественных организаций. Например, З. Кмечик в больших монографиях, посвященных варшавской прессе 1864-1918 годов³⁵, часто пишет о месте в ней автора «Трилогии». Сенкевич был ярким и почти всегда актуальным объектом дискуссий, что выразилось в идеологических «баталиях» на страницах многих газет. Некоторые печатные органы становились широко известны и читаемы лишь благодаря публикации острых статей о романисте.

Е. Шонерт в авторском сборнике статей «Встречи с Сенкевичем» (1987)³⁶ рассматривает многие любопытные вопросы, в том числе политические предпочтения писателя, а точнее его симпатии к Демократически-национальной партии. Шонерт ставит под сомнение вывод своей предшественницы А. Ладыки-Нофер (1965), полагавшей, что в годы первой революции в России (1905-1907) Сенкевич разочаровался в идее сотрудничества с царскими властями и поэтому перестал принимать активное участие в политике³⁷.

На данный момент последняя из крупных польскоязычных работ, в каком-то смысле затрагивающих тему данного диссертационного сочинения – «Тела Сенкевича» Р. Козелека (2009). В главе, посвященной тезису автора «Трилогии» о дидактической функции литературы, исследователь делает интересные наблюдения о том, как Сенкевич переносил свои эстетические принципы на социально-политическую сферу³⁸.

Интересующая нас тематика в применении к автору «Крестоносцев» практически отсутствует в англоязычной литературе. Из всего массива можно отметить книгу «Ознаменования и формирование современной Польши» П.-М. Домбровского (2004). Рассматривания празднования

³⁴ См., напр.: Kosowska E. Henryk Sienkiewicz wobec różnych nurtów tradycji kulturowej // Henryk Sienkiewicz. Polak i Europejczyk. Sosnowiec. 2004; Gomóla A. Obywatel świata czy przede wszystkim polak // Henryk Sienkiewicz. Polak i Europejczyk. Sosnowiec. 2004.

³⁵ Kmieciak Z. Prasa warszawska w okresie pozytywizmu (1864-1885). Warszawa. 1971; Kmieciak Z. Prasa warszawska w latach 1908-1918. Warszawa. 1981.

³⁶ Szonert E. Spotkania z Sienkiewiczem. Warszawa. 1987.

³⁷ Ładyka-Nofer A. Henryk Sienkiewicz. Warszawa. 1965. S. 240.

³⁸ Koziołek R. Ciało Sienkiewicza. Studia o płci i przemocy. Katowice. 2009. S. 348.

годовщин и юбилеев, возведение памятников, открытие выставок, организацию манифестаций и т.д. как одну из форм национального строительства, Домбровский не забывает и о Сенкевиче – активном участнике различных символических акций³⁹.

В современной российской историографии нет больших работ, посвященных Сенкевичу (не говоря уже о его связи с польским национальным самосознанием). Однако если взять советскую историографию, можно обнаружить, что интерес к писателю в нашей науке был высоким, а некоторые новые работы вселяют надежду на его будущее возрождение⁴⁰.

В советский период исследования творчества Сенкевича были, с одной стороны, связаны с критической традицией дореволюционной историографии, с другой стороны с доминирующей доктриной классовой борьбы, которой пытались объяснить и коллизии в творческих процессах. Так, В. Павлович в предисловии к сборнику повестей и рассказов писателя (1949) отмечает, что «Трилогия, написанная в духе авантюристического романа, насквозь пропитана националистическими тенденциями, искажающими историческую правду»⁴¹. Сенкевича он считает «трубадуром» союза между крупной буржуазией и родовитой шляхтой, вынужденных, по его мнению, сплотиться перед лицом угрозы, представляемой нарождающимся польским пролетариатом⁴².

Крупнейший советский исследователь романов Сенкевича И.К. Горский проникает в суть проблемы глубже, нежели его предшественники, хотя во многом следует концепции, отраженной Павловичем. Среди его работ выделяются монографии «Польский исторический роман и проблема историзма» (1963) и «Исторический роман Сенкевича» (1966). В отличие от Павловича, полагавшего, что писатель

³⁹ Dabrowski P.M. Commemorations and the Shaping of Modern Poland. Bloomington. 2004.

⁴⁰ Имеется в виду сборник, подготовленный в Институте Славяноведения РАН: Творчество Болеслава Пруса и его связи с русской культурой. М. 2008.

⁴¹ Павлович В. Генрих Сенкевич // Сенкевич Г. Повести и рассказы. М. 1949. С. 7.

⁴² Там же. С. 6.

перешел к созданию крупных патриотических произведений, дабы открыть для буржуазии ее великое прошлое и тем самым вдохнуть в нее жизнь (такой взгляд явно опирается на публицистические выводы С. Бжозовского и В. Налковского)⁴³, Горский не стал настаивать на классовом характере этого перехода. По его мнению, Сенкевич не мог более писать обличительные рассказы на тему окружающей действительности, ибо они внушали «мысль о неискоренимости пороков современного общества»⁴⁴. В связи с этим «поддержание хотя бы смутной надежды на будущее приобрело для Сенкевича значение первостепенной важности»⁴⁵.

В новейшей историографии Сенкевич привлекает внимание преимущественно в контексте его связей с русской культурой⁴⁶.

Из представленного обзора историографии можно сделать следующие выводы: 1) изучение творчества и публичной деятельности автора «Трилогии» в связи с темой национального самосознания – одно из новейших и самых перспективных направлений сенкевичелогии; 2) научная литература по Сенкевичу представлена огромным количеством исследований на самые разные темы, в том числе близкие тематике данной работе, однако попытки соединения усилий специалистов для рассмотрения творчества романиста как источника воздействия на национальное самосознание поляков стали предприниматься лишь недавно; 3) за пределами Польши и, в частности, в России уровень развития «сенкевичелогии» довольно низок, хотя некоторые тенденции свидетельствуют о возможном возрождении интереса к польскому романисту.

Обзор источников. Формирование источниковедческой базы исследования подчиняется принципу релевантности задачам, которые перед ним поставлены. В работе используется три основных корпуса источников:

⁴³ Там же. С. 8.

⁴⁴ Горский И.К. Исторический роман Сенкевича. М. 1966. С. 59.

⁴⁵ Там же. С. 58.

⁴⁶ Цыбенко Е. Русская литературная критика второй половины XIX – начала XX в. о русско-польских отношениях // Поляки и русские в глазах друг друга. М. 2000; Лескинен М.В. Человек в культурном пространстве: категории истории в польском и русском романе XIX века // Культура и пространство. Славянский мир. М. 2004. С. 217-234; Лимонов Ю. А. Предисловие // Сенкевич Г. Огнем и мечом. М. 2004; Лимонов Ю.А. Предисловие // Сенкевич Г. Потоп. Т. 1. М. 2004.

1) периодика и публицистика, 2) корреспонденция и воспоминания, 3) художественные произведения.

Главным объектом анализа при изучении польской общественной мысли конца XIX – начала XX в., безусловно, должна быть польскоязычная пресса. На вторую половину XIX в. приходится этап ее бурного развития и содержательной дифференциации. Если в 1864 г. на польском языке регулярно выходило 83 периодических издания, то в 1884-м – уже 230, а в 1896-м – 355⁴⁷. Причины такого скачка объясняет, с одной стороны, рост численности грамотного населения, проявлявшего интерес к печатному слову, а с другой – усовершенствования в области типографической технологии и средств коммуникации.

Важность периодической печати в условия Польши XIX – начала XX в. также заключалась в том, что она представляла собой главную (иногда единственную) платформу развития общественной мысли. Наибольшей свободой пользовалась галицийская пресса, в которой до середины 1880-х гг. доминировали консерваторы. Местные публицисты, например, могли обсуждать тему Январского восстания, делать острые высказывания в адрес России (что, впрочем, было на руку Австрии). Польскоязычная пресса Германской империи пользовалась относительной степенью свободы, хотя отдельные «преступные» публикации могли обернуться для автора и редактора серьезным штрафом или даже тюремным заключением⁴⁸. В России польские издания «послеянварского» периода сталкивались с серьезными цензурными ограничениями (в Царстве Польском действовала предварительная цензура). Кроме того, администрация стремилась контролировать численность выходивших изданий, поэтому желающие основать новую газету обычно сталкивались с процедурными сложностями⁴⁹. Впрочем, как отмечает З. Кмечик, в Варшаве количество изданий с 1864 по

⁴⁷ Markiewicz H. *Pozytywizm*. Warszawa. 2007. S. 43.

⁴⁸ *Ibid.* S. 45-46.

⁴⁹ Kmiecik Z. *Prasa warszawska w okresie pozytywizmu (1864-1885)*. Warszawa. 1971. S. 200.

1885 г. увеличилось в три раза⁵⁰. Учитывая невозможность открытых высказываний на политические темы, возрастала значимость художественной литературы, на которую переносилась неизрасходованная в политике публицистическая энергия.

Популярность Генрика Сенкевича среди читателей пробудила к нему живой интерес со стороны редакторов польскоязычных изданий. С конца 1880-х гг. многие из них стремились получить от автора «Трилогии» хотя бы небольшой рассказ или статью. Стоит перечислить газеты и журналы, с которыми писатель стабильно сотрудничал, начиная с 1881 г.: 1) ежедневная газета «Слово» (Варшава, 1882-1914), 2) ежедневная газета «Час» (Краков, 1848-1934), 3) ежедневная газета «Дзенник Познаньски» (Познань, 1859-1939), 4) еженедельный иллюстрированный журнал «Тыгодник Илюстрованы» (1859-1939), 5) Ежедневная газета «Курьер Варшавски» (1821-1939). В рамках второй главы диссертации отдельно рассмотрено сотрудничество Сенкевича с консервативными варшавскими изданиями «Газета Польска» и «Нива», давшее старт его литературной карьере.

Активное участие в закреплении за Сенкевичем его особого статуса принимали такие газеты, как «Пшегленд Тыгодневы», «Правда», «Кроника Родзинна», «Край» и «Глос». Их роль рассмотрена в рамках отдельных глав представленной работы.

Помимо периодической печати, важным источником исследования является корпус брошюр, а также статей, вошедших в различные сборники. Публицистика самого Г. Сенкевича содержится в его шестидесятитомном собрании сочинений, которое было подготовлено и отредактировано Ю. Кшижановским⁵¹. В томе 40 содержатся воспоминания и публичные речи писателя; В 44-м – письма из путешествий, фельетоны, посвященные пребыванию в европейских городах; 45-й и 46-й тома включают статьи Сенкевича на литературно-общественные темы. Наибольшего интереса

⁵⁰ Kmiecik Z. Prasa warszawska w latach 1886-1904. Warszawa. 1989. S. 259.

⁵¹ Sienkiewicz H. Dzieła. T. 1-60. Warszawa. 1950-1953.

заслуживают тома 53-54, содержащие политические заметки, анкеты и интервью писателя.

Тема связи Сенкевича с польской историей и национальным «характером» отражена в сочинениях выдающихся публицистов и мыслителей Польши конца XIX – начала XX в.: С. Тарновского (монография «Генрик Сенкевич»⁵², брошюра «О Руси и русинах»⁵³), А. Свентоховского (сборник фельетонов «Liberum veto»⁵⁴), Б. Пруса (сборник очерков «Хроники»⁵⁵), П. Хмелевского (монография «Генрик Сенкевич в критическом освещении»⁵⁶), С. Бжозовского (статьи и очерки⁵⁷, эссе «Легенда Молодой Польши»⁵⁸), В. Налковского (сборник статей «Сенкевичиана»⁵⁹), В. Фельдмана («Польская словесность 1880-1904»⁶⁰, «Современная польская литература 1864-1918»⁶¹), И. Матушевского (статья «Исторический роман»⁶²), С. Потоцкого (второй том монографии «Современная польская литература»⁶³, «Литературные очерки и впечатления»⁶⁴) и др.

Публицистический материал органично дополняется корпусом воспоминаний и корреспонденции. Важнейшее значение для исследования имеет пятитомное собрание писем Сенкевича, выходящее с 1977 по 2009 г.⁶⁵ Фундаментальный труд по подготовке издания, его редакции и снабжению справочным аппаратом осуществила М. Бокщанин. Наличие собранной корреспонденции Сенкевича позволяет приступить к изучению такой слабо освещенной темы, как взаимодействие писателя с идеологами и практиками

⁵² Tarnowski S. Henryk Sienkiewicz. Kraków. 1897.

⁵³ Tarnowski S. O Rusi i Rusinach. Kraków. 1891.

⁵⁴ Świętochowski A. Liberum veto. Warszawa. T. 1, 2. 1976.

⁵⁵ Prus B. Kroniki. Warszawa. T. 2-6, 9-11, 13-16. 1953.

⁵⁶ Chmielowski P. Henryk Sienkiewicz w oświetleniu krytycznym. Lwów. 1901.

⁵⁷ Brzozowski S. Wczesne prace krytyczne. Warszawa. 1988; Brzozowski S. Współczesna powieść polska. Warszawa. 1906.

⁵⁸ Brzozowski S. Legenda Młodej Polski. Lwów. 1910.

⁵⁹ Nałkowski W. Sienkiewicziana. Kraków. 1904.

⁶⁰ Feldman W. Piśmiennictwo polskie 1880-1904. Lwów. 1905.

⁶¹ Feldman W. Współczesna literatura polska. 1864-1918. Kraków. 1985.

⁶² Matuszewski I. Powieść historyczna // Matuszewski I. O twórczości i twórcach: studia i szkice literackie. Warszawa. 1965.

⁶³ Potocki A. Polska literatura współczesna. T. 2. Kult jednostki. 1890-1910. Warszawa. 1912.

⁶⁴ Potocki A. Szkice i wrażenia literackie. Lwów. 1903.

⁶⁵ Sienkiewicz H. Listy. T. 1-5. Warszawa. 1977-2009.

национально-демократического движения. Лишь благодаря появлению указанного пятитомника стала возможной постановка проблем отношения писателя к еврейскому вопросу, к украинскому национальному движению, к Российской империи и, в частности, к русским. Среди корреспондентов писателя были как его родственники и друзья, в общении с которыми он мог позволить себе большую степень откровенности, так и видные представители польского общества.

В числе привлеченных к работе источников – собрания писем известных свидетелей эпохи – Э. Ожешко⁶⁶, Б. Пруса⁶⁷, С. Выспяньского⁶⁸. Воспоминания таких людей, как С. Грабский⁶⁹ и З. Киркор-Кедронёва⁷⁰, проливают дополнительный свет на отношение к Сенкевичу со стороны эндеков.

Последний корпус источников, привлеченных к данному исследованию, составляют крупные художественные произведения авторства Сенкевича. Учитывая специфику поставленных проблем, описанных во введении, этот блок имеет вспомогательное значение и рассматривается скорее по умолчанию⁷¹.

Таким образом, к исследованию привлечен довольно обширный, разнообразный и репрезентативный корпус источников, позволяющих адекватно решить поставленные задачи.

Научная новизна исследования. В представленном сочинении впервые в историографии (не только отечественной, но и польской) поставлена задача синтетического анализа применения текстов Генрика Сенкевича в идеологических целях – прежде всего в проектировании польского национального самосознания. Несмотря на наличие работ, в которых исследуются проблемы рецепции произведений писателя, до сих пор не предпринимались попытки их комплексного изучения в контексте борьбы

⁶⁶ Orzeszkowa E. Listy zebrane. Wrocław. 1954. Т. 1, 2, 4-9.

⁶⁷ Prus B. Listy. Warszawa. 1959.

⁶⁸ Wyspiański S. Listy zebrane. Kraków. 1979.

⁶⁹ Grabski S. Pamiętniki. Т. 1. Warszawa. 1989. S. 37-38.

⁷⁰ Kirkor-Kiedroniowa Z. Wspomnienia. Kraków. 1986.

⁷¹ Kirkor-Kiedroniowa Z. Wspomnienia. Kraków. 1986.

между различными лагерями общественно-политической мысли. Можно предположить, что отсутствие решительных шагов в этом направлении объясняет, во-первых, сосредоточенность большинства исследователей на литературных текстах с точки зрения интенций их автора (по крайней мере, до недавнего времени) – при таком подходе потребитель этих текстов остается в тени, в качестве «имплицитного» читателя – о нем больше предполагают, чем знают. Тех же известных публицистов, которые дискутировали на темы творчества Сенкевича, рассматривают в меньшей степени как представителей определенных идеологических направлений и в большей степени – как исследователей, пусть и тенденциозных, предшественников современной сенкевичелогии.

Практическая значимость исследования. Материалы данной работы могут представлять интерес для историков, филологов и культурологов, занимающихся проблемами польской общественно-политической мысли в период между Январским восстанием 1863-1864 гг. и созданием независимой Польши в 1918 г. Поскольку в диссертационном сочинении затронут лишь один из аспектов применения историко-социологического подхода к текстам Сенкевича, оно может дать импульс для дальнейшей работы в заданном направлении. Наконец, представленную работу можно рассматривать как пример междисциплинарного исследования, совмещающего принципы различных областей гуманитарного знания.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке общих и специальных курсов истории Польши и Восточной Европы XIX-XX веков, в первую очередь при обращении к проблемам общественно-политической мысли и зарождения польского национального самосознания.

Апробация результатов исследования. Ряд вопросов, проанализированных в диссертации, апробирован в опубликованных автором статьях. Диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского

государственного университета им. М.В. Ломоносова и рекомендована к защите.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура исследования соотносится с поставленными задачами и хронологическими рамками. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. В рамках отдельных глав изучены различные этапы дискуссии, в процессе которой производились попытки создать или развенчать патриотический культ Сенкевича, связав его с теми или иными моделями польского национального самосознания. Разделы, из которых состоят главы, включают характеристику сторон, принимавших участие в дискуссиях, описание их интересов и мотивов, а также анализ их аргументов.

Введение содержит обоснование актуальности темы диссертации, формулировку целей и задач исследования, определение хронологических рамок. Также оно включает обзор источников и историографии, характеристику избранных методов исследования, определение его научной новизны и практической значимости.

Глава 1. Прогресс или традиция? Сенкевич между консерваторами и позитивистами. Глава сосредоточена на истоках включения творчества Сенкевича в контекст проектирования польского национального самосознания. Какие общественно-политические формирования и группы публицистов изначально были заинтересованы в идеологизации творчества писателя, какую реакцию у них вызывал автор «Огнем и мечом», какие символы национального характера породила дискуссия между ними – эти вопросы находят отражение в данной части исследования.

Когда в первой половине 1880-х гг. из-под пера Сенкевича стали выходить объемные исторические романы, первыми на них отреагировали галицийские консерваторы, прежде всего краковские «станчики». Их

рекламными усилиями «Огнем и мечом» (1883-1884 гг.) стал одним из самых популярных произведений на польском языке.

По творчеству лидера «станчиков» графа С. Тарновского видно, как некоторые националистически артикулированные мысли, высказанные им в рецензиях на «Огнем и мечом», затем переключались в его сочинения на социально-политические темы. Сенкевич затронул крайне актуальную для Галиции проблему польско-русинских (польско-украинских) отношений. Тарновскому было важно акцентировать внимание читателей на интерпретации восстания Богдана Хмельницкого. Граф был убежден, что благополучие как поляков, так и русинов зависит от их мирного сосуществования. Поэтому урок истории, с его точки зрения, заключался в том, что притязания казаков на независимость привели к плачевному итогу не столько польский, сколько русинский, украинский народ.

С другой стороны, Тарновский использовал «Огнем и мечом», чтобы показать, насколько дух шляхетской традиции неподвластен всяким попыткам ее ревизии, которые предпринимали публицисты «прогрессивного» лагеря (варшавские позитивисты). На эту же тему высказывался подоляк В. Дзедушицкий, отмечая, что Сенкевич продемонстрировал свое превосходство перед серостью «прогрессивной» литературы.

Галицийские консерваторы ставили автора «Трилогии» в пример молодому поколению, усматривали большой дидактический потенциал его прозы в воспитании детей – в духе «разумного патриотизма».

Отклик в галицийской среде нашел и тезис автора «Трилогии» о том, что «делать из древности Христа – значит впасть в крайность, но и называть ее блудницей – крайность не меньшая». Творчество Сенкевича вполне органично вливалось в идеологию, основанную на тезисах краковской школы историографии. Не отрицая вины польской шляхты и аристократии в падении польского государства (доказательством тому – роман «Потоп»), писатель, однако, показывал примеры истинных героев – мужественных,

верующих, дисциплинированных, готовых расстаться с жизнью ради общего блага.

Таким образом, галицийские консерваторы сделали стартовый вклад в создание патриотического культа Сенкевича, замысленного как опора традиционной системы ценностей (незыблемость и гармония сословной иерархии, католическая церковь). Они делали это не только с помощью рецензий или рекламных публикаций в газете «Час», но и через перформативные мероприятия, организацию чтений и лекций, патриотические манифестации, постановки спектаклей и т.д.

Вместе с тем, в середине 1880-х гг. прошла целая кампания по критике романов «Трилогии», в которой первую скрипку играли публицисты позитивистского толка. Для них Сенкевич стал олицетворением реакционных тенденций, а популярность его произведений – симптомом сворачивания позитивных процессов «отрезвления» поляков от всевозможных «шляхетско-аристократических» и «клерикальных» предрассудков. Особую пикантность ситуации придавало «отступничество» писателя от «прогрессивного» лагеря – ведь в течение 1870-х гг. он написал несколько произведений, которые вписывались в настроения торжествовавших тогда «молодых» – выпускников варшавской Главной школы.

Но главный скандал, конечно, вызвала публикация «Огнем и мечом» и акции консерваторов по его «раскрутке». Полураспавшийся «прогрессивный» лагерь вновь обрел стимул для внутренней солидаризации и обострения пафоса противостояния сил «разума» силам «деградации». А. Свентоховский, П. Хмелевский и Б. Прус с разной степенью радикальности (по нисходящей) обвиняли Сенкевича в применении прошлого для апологии своих благодетелей – аристократов.

Упор в позитивистской кампании был сделан на разоблачение несостоятельности созданного в «Трилогии» образа Речи Посполитой XVII в. и ее героев – «кресовых королят».

Кроме того, «прогрессивный» лагерь обвинял Сенкевича в том, что он упрощенно рисует исторические события, не задает трудных вопросов, не пытается вникнуть в причинно-следственные связи затронутой им эпохи. Тем самым он наносит вред обществу, которое черпает свои познания о прошлом отечества из его произведений.

Таким образом, позитивисты стали основателями критической традиции по отношению к патриотическому культу писателя – последующие поколения не раз ее воспроизводили.

«Прогрессивный» лагерь в середине 1880-х гг. поддержали польские писатели старшего поколения – национальные авторитеты с опытом конспиративной патриотической деятельности. Они уже не были романтиками, как их предшественники, но и не во всем поддерживали молодых позитивистов. Речь идет о таких фигурах, как Ю.И. Крашевский, З. Милковский (Т.Т. Еж) и З. Качковский. Как и «прогрессисты», они сочли недостоверным, упрощенным и тенденциозным представленное Сенкевичем прошлое Речи Посполитой. Поскольку все трое были классиками польского исторического романа, они оценивали автора «Огнем и мечом» как ученика и потенциального наследника, иногда в покровительственной манере.

Коллеги Сенкевича выступили против предложенной им патриотической модели польского характера. Описывая героев «Огнем и мечом», Качковский отмечал не только их схематичность, но и несоответствие типам поляка-рыцаря или польки.

Большой интерес рецензенты проявили к реновации в романе «кресовой» легенды. Недовольство у рецензентов вызывала излишняя мрачность «кресовых» образов в «Огнем и мечом», неразличимость человеческих очертаний среди «черни», каковой изображено население Руси.

Для писателей-демократов старшего поколения дискуссия об «Огнем и мечом» стала поводом для реактуализации их собственных творческих принципов в изображении национальной истории. Не чуждые идее

«укрепления сердец», они ставили под сомнение методы, которыми пытался «оздоровить» общество Сенкевич.

Глава 2. «Бодрящие напитки истории». Сенкевич в проекте консерваторов и «угодовцев» Царства Польского. Поскольку автор «Трилогии» был активно вовлечен в консервативную публицистику Царства Польского – не только как писатель со своими убеждениями, но и как редактор и журналист – в отдельной главе подвергаются анализу разные аспекты этого сближения, равно как и его результаты.

Консерваторы Царства Польского, почувствовав перемену в настроениях Сенкевича, произошедшую в 1879-1880 гг., а также приняв к сведению мнение краковских коллег, сделали из имени молодого романиста знамя своего успеха. В конце 1881 г. Сенкевич воспользовался приглашением на должность главного редактора газеты «Слово». Не оказывая, вопреки своим декларациям, решающего влияния на идеологический облик издания, он сумел привлечь к нему известных сотрудников, в частности, Ю. Крашевского. Сериальная публикация в «Слове» романов «Трилогии» обеспечила газете большое число подписчиков и читателей. При этом Сенкевич принимал на себя значительную часть антиконсервативного протеста со стороны демократически настроенных позитивистов. Это обстоятельство позволило консерваторам придать особый пафос своей позиции в полемике с оппонентами, представить последних как завистников, толпу гонителей подлинного таланта, препятствие на пути к национальному «оздоровлению».

Не будучи идеологом, Сенкевич чувствовал себя исполнителем особой гражданской миссии по укреплению в польской нации надежды на возрождение. Подчиняя свое мировоззрение и риторику дискурсу «укрепления сердец», Сенкевич связывал эту надежду с тремя факторами: популяризацией в обществе «бодрящих напитков» истории, выдержанных в патриотическом духе, обращением к католической церкви как источнику

спасательной морали и развитием частных образовательных инициатив, создающих противовес русифицированной и германизированной школе.

Консервативные публицисты активно отстаивали трактовку XVII в. в истории Речи Посполитой, предложенную Сенкевичем и поддержанную «станчиками». Ю. Лапицкий писал, что Польша, если в чем и провинилась перед запорожскими казаками и православными русинами, так это в том, что обходилась с ними слишком мягко, слишком терпимо. Активно использовался мотив духовного очищения поляков от «пессимизма», насаждаемого «прогрессивными» либералами 1870-х – 1880-х гг. Зарождалась легенда о «дуэте» двух проповедников возрождения – художника-Матейко и писателя-Сенкевича. В. Спасович убеждал, что герои и образы из романа «Семья Поланецких» – «насквозь польские».

Как и «станчики», консерваторы Царства Польского активно рекламировали творчество их фаворита. Кульминационным моментом проводимой ими «рекламной кампании» стало празднование 55-летнего юбилея Сенкевича в 1900 г., когда ему подарили приобретенный за 70 тыс. рублей особняк в Обленгурке.

Был, впрочем, и пункт, в котором автор «Трилогии» и консерваторы не сошлись – отношение к России. Сенкевич не разделял идеи «угоды» между поляками и Петербургом, поэтому отказывался от участия в мероприятиях, способных придать ему имидж поборника «бараньих гиперборейских движений». Не желая иметь проблемы с администрацией или ужесточить к себе отношение Цензурного комитета, писатель не высказывался о России прямо, а в период революции 1905-1907 гг. делал осторожные и продуманные заявления. При этом он отрицательно относился к идеям славянской взаимности, считал, что уровень российской цивилизации существенно ниже, по сравнению с западной (латинской), к которой принадлежат поляки, что Россия, погрязшая в деспотизме и несправедливости, оказывает на Польшу деморализующее влияние.

Глава 3. Польская нация или новое человечество? Сенкевич между правыми и левыми идеологиями. В рамках третьей главы рассматривается еще один эпизод в истории идеологической эксплуатации текстов и репутации Сенкевича. Здесь вновь представляется возможность увидеть, как реакция на его имя вела к размежеванию представителей разных идеологических групп: на этот раз националистической и лево-модернистской.

С конца 1890-х гг. к автору «Крестоносцев» стали проявлять большой интерес деятели национально-демократического движения. Сенкевич, давно мечтавший о едином фронте патриотических сил, с симпатией воспринял появление такого мощного объединительного центра, как партия Р. Дмовского. В данном случае, для него была важна не столько идейная подоплека эндекского движения, сколько его стратегические цели и методы их достижения. Сенкевич и эндеки негативно относились к Российской империи, но считали угрозой, исходящую с ее стороны вторичной. Оба они (как, впрочем, и большая часть польского общества) с тревогой наблюдали за набирающей силу Германией, стремившийся полностью унифицировать свои земли и устранить на своем пути все препятствия, в том числе поляков. Наконец, они придавали огромное значение альтернативному образованию в Польше, особенно проектам, помогавшим укоренить национальную идею в массах.

Эти моменты, а также взаимное уважение, которое Сенкевич и Дмовский питали друг к другу, объясняют присоединение писателя к ряду инициатив национал-демократов. Помимо воззвания к Вильгельму II и публичного признания в антипатии к Бисмарку, положительно оцененных всеми лидерами общественного мнения в Польше, важнейшим доказательством сотрудничества Сенкевича с эндеками стала его агитация в пользу создания польской фракции в Государственной думе Российской империи. Дмовский, активно работавший над этим проектом, нуждался в

участии авторитетного агента, посредника, не задействованного ни в одной из политических партий.

Другим важным проектом с участием автора «*Quo vadis?*» была Польская матица школьная – крупнейшая организация в области частного образования, легально действовавшая на территории Царства Польского в 1906-1907 гг.

Наконец, с эндеками Сенкевич был связан личными отношениями. Об этом свидетельствует его переписка с З. Василевским, В. Яблоновским, В. Рабским, А. Осуховским, Б. Косковским, редакциями газет «Гонец Поранны» и «Курьер Познански».

Отдельно был рассмотрен вопрос об отношении писателя к евреям, который в научной литературе до сих пор не изучался. Как и многие его соотечественники, Сенкевич с беспокойством воспринимал рост политической активности евреев, составлявших тогда значительную часть населения польских городов. Если по окончании гимназии он смеялся над «жалкими предрассудками» помещиков и ксендзов, то в более зрелом возрасте начал высказывать раздражение в связи с тем, что многие евреи не желали растворяться в польской среде, а из языков предпочитали скорее немецкий или русский. К концу XIX в. корреспонденция писателя свидетельствует о его бытовом антисемитизме, неприязни к евреям-журналистам, евреям-торговцам, евреям-предпринимателям. Наконец, явно под влиянием эндеков, Сенкевич начал говорить о «еврейско-социалистической угрозе», считая польских социалистов «марионетками в руках российских и заграничных евреев». Впрочем, официально писатель в таком духе не высказывался, а лишь предостерегал общество, что «приютив» у себя тех евреев, которые «одинаково с ним думают», оно должно быть бдительно с теми, кто «открыто порвал с польскими идеалами».

В начале XX в., когда автор «Крестоносцев» достиг вершины своей популярности, против него началась новая кампания критики. На этот раз в роли обвинителей выступили участники и сторонники модернистской волны

польского искусства – «Молодой Польши». Первоначальные эстетические разногласия между Сенкевичем и модернистами стали только поводом для широкой дискуссии, затронувшей вопросы о социальных противоречиях, моральных ценностях и религии, релевантных националистическому дискурсу. Наиболее активными критиками писателя и его консервативно-эндекских покровителей стали радикальные публицисты левых взглядов – С. Бжозовский и В. Налковский. Отреагировав на неприязненные высказывания Сенкевича о молодом искусстве, они выступили с рядом острых публикаций на страницах газеты «Глос» (в период, когда ее редактором был Ян Давид).

Для модернистов левого толка Сенкевич стал идеальным «Другим» – оппозиционным началом, отталкиваясь от которого представители новых направлений общественной мысли постулировали собственные ценности. Бжозовский так и назвал своего антагониста – «чужой человек». В системе взглядов модернистов автор «Трилогии» олицетворял ложный патриотизм, реакцию консервативной элиты на культурное обновление, клерикальное засилье, филистерство и приспособленчество. Если Сенкевич и классик, говорили они, то классик того слоя, который пребывает в упадке, – то есть помещиков и крупной буржуазии. Его роль заключается в том, чтобы кормить «хозяев» сказками о приукрашенной польской истории, подавать «сладоности и лакомства», вместо того, чтобы заставить задуматься о своем настоящем и будущем. Такой писатель, по мнению модернистов, не мог стать гордостью Польши – скорее он навлекал на поляков позор.

Во время событий Первой русской революции 1905-1907 гг. автор «Quo vadis?» предстал перед левой интеллигенцией в образе польского «министра без портфеля», назначенного «угодово-эндекской» партией, усмирителя революционных порывов социалистов.

Впрочем, заметка Казимежа Келлес-Крауза о «Quo vadis?» – «подлинном революционном романе» – свидетельствует и о попытках идеологического «присвоения» Сенкевича левыми теоретиками. Недаром

один из польских уланских отрядов Австро-Венрии, созданных по инициативе Пилсудского в 1914 г., когда застал писателя в Обленгурке, нанес ему визит, чтобы выразить свою признательность и получить благословение.

В *заключении* диссертации сформулированы основные выводы по проблемам, рассматриваемым в исследовании.

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1) Творчество и общественный авторитет Генрика Сенкевича служили идеологическим ресурсом ведущим общественно-политическим движениям польских земель конца XIX – начала XX в., принимавшим участие в конструировании польского национального самосознания. В процессе работы с источниками и историографией были выявлены шесть движений или квазипартийных групп, активно апеллировавших к автору «Трилогии» в процессе обсуждения исторического образа и будущих перспектив польской нации: галицийские консерваторы (прежде всего «станчики»), варшавские позитивисты («прогрессивный» лагерь), авторитетные писатели демократического направления (Крашевский, Еж, Качковский), консерваторы и «угодовцы» Царства Польского, эндеки (национально-демократическое движение), модернисты левого толка.

2) Перечисленные группы прибегали к художественной литературе из идеологических соображений, часто в ходе взаимной конкуренции. «Символический капитал» текстов Сенкевича помогал им придать необходимую метафорическую оснастку своим версиям польской национальной идеи. В целом эти группы можно разделить на приверженцев «консервативно-патриотического» или «модернизаторского» дискурса. К первым относятся консерваторы Галиции и Царства Польского; для них Сенкевич был источником символики, способной укрепить их проект «идеального отечества», покоящегося на ответственной нации, предводимой «благородным сословием», чтущей шляхетско-католические традиции, не

впадающей в опасные крайности освободительной борьбы и укрепляющей свое благосостояние ежедневным трудом. Ко вторым – позитивисты и активные модернисты; для них Сенкевич стал идеальным «Другим», персонификацией их представлений о застое общества, инфантильности и провинциальности поляков, не готовых к вызовам современной цивилизации и прогресса. Из этого двухголосия выбивалось национально-демократическое движение, которому удалось синтезировать патриотизм нового типа, подчиняющий и переосмысляющий ранее утвердившиеся системы ценностей в пользу представлений о единой польской нации. Для лидеров эндеков Сенкевич был важен не как популяризатор исторических мифов, но как пример польского гражданина, имеющего репутацию духовного лидера народа, который помогал бы мобилизовать население, агитируя за определенные проекты и лозунги.

3) В ходе исследования выявлены многочисленные случаи использования творчества Сенкевича в контексте аргументации тех или иных идей, артикулированных в национальном ключе. Например, лидер «станчиков» С. Тарновский, описывая политику Речи Посполитой в отношении губительного, с его точки зрения, сепаратизма православных русинов, трактовал как метафору сцену освобождения Богдана Хмельницкого Яном Скшетуским из романа «Огнем и мечом»: последний «разрезает петлю на шее почти задушенного Хмельницкого; это случайность, а не намерение, но Скшетуский в этом случае делает то же, что сделала Польша, когда не дала накинуть на Русь аркан турецкого и татарского ига. И с тем же результатом». В то же время публицисты позитивистского направления, критиковавшие шляхетско-католическую версию национальной идеи, воспринимали романы Сенкевича о польском XVII в. как повод громко заявить о своей позиции: «От [„Огнем и мечом”], – писал П. Хмелевский, – не пронзает болью грудь, не бросает в дрожь, разум не тревожится, мысль не плодится – только сердце переполняет гордость, что в несчастье отчизна имела таких заступников... Мы, конечно, ничего не имеем против

возбуждения такого чувства, но хотели бы, чтобы оно возникало там, где бы у него действительно могло быть основание, а не в начале казацких войн». Текст диссертации изобилует такого рода цитатами.

4) Г. Сенкевич и сам был активно вовлечен в процессы идеологизации своего творчества и публичной биографии. Если до конца 70-х гг. XIX в. он считался писателем «прогрессивных» взглядов, принадлежащим к знаменитому поколению выпускников варшавской Главной школы, то к началу 1880-х он заработал репутацию консерватора, а затем и вовсе стал главным редактором консервативной газеты «Слово». Писатель чувствовал себя исполнителем особой гражданской миссии по укреплению в польской нации надежды на возрождение. Подчиняя свое мировоззрение и риторику дискурсу «укрепления сердец», он связывал эту надежду с популяризацией в обществе патриотических ценностей. Консерватизм автора, в частности, проявлялся в его скептическом отношении к идеям вооруженной борьбы за освобождение Польши. К концу 1890-х гг. Сенкевич проникся симпатией к национально-демократическому движению, которое считал мощным объединительным центром для создания единого фронта умеренно-патриотических сил в разных частях Польши. В частности, это выразилось в ряде его публицистических выступлений против внутренней политики Германской империи, против социалистов и революции 1905-1907 гг. в России, а также в поддержку проекта автономизации Царства Польского и разного рода образовательных инициатив.

5) Включение творчества и общественного авторитета Г. Сенкевича в конструирование польского национального самосознания началось еще при жизни писателя, в начале 1880-х гг. В представленной диссертации проведена реконструкция шести вариантов развития этого процесса до начала Первой мировой войны, причем в одних случаях автор «Трилогии» функционировал как вдохновитель национального возрождения, а в других – как «чужой человек». В таком раздвоенном качестве он сумел пережить XX столетие – ведь конфликт между разными типами польской идентичности

неоднократно воспроизводился, а Сенкевич всегда оказывался под рукой, как удобный и хорошо читаемый символ.

По теме диссертации были опубликованы следующие статьи (журналы «Родина» и «Славяноведение» входят в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, утвержденный ВАК Министерства образования и науки РФ):

- 1. Суслов А.В. «Не упраздняется народ с таким прошлым». Тексты Генрика Сенкевича и общественное сознание современных ему поляков // Родина. 2010. № 7. С. 54-55.**
- 2. Суслов А.В. «Восток разлагал нас с давних времен». Как Генрик Сенкевич относился к России // Родина. 2012. № 11. С. 134-135.**
- 3. Суслов А.В. Генрик Сенкевич и проекты лидеров польского национально-демократического движения на рубеже XIX-XX веков // Славяноведение. 2012. № 6. С. 3-12.**
- 4. Суслов А.В. Социально-политические аспекты функционирования исторической мифологии Г. Сенкевича в конце XIX – начале XX в. // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир в поисках идентичности. М. 2011. С. 401-410.**